

Базылова Б.К.

Художественная концепция истории в романе-дилогии

В статье рассматривается художественная концепция истории в романе-дилогии М. Магауина «Вешние снега» и «Смутное время». Автор, опираясь на документальные материалы, представляет читателю весь ход исторических противоречий, в основе которых лежат конфликты времени и среды. Писатель ознакомился с большим количеством специальной литературы по истории Смуты, документы в художественном произведении использовал творчески.

Близость писателя к историческому факту условна, даже в тех случаях, когда на первый взгляд автор тщательно следует за историческими данными. Общий ход исторических событий и его частные проявления приобретают в романе действенное звучание. Историк или летописец лишь констатирует события далекого времени, М. Магауин же стремится художественно воссоздать их, добываясь непрерывного условия исторического жанра – слияния как бы в одной точке искусства и науки, освоенного писателем с позиций современности.

Ключевые слова: исторический роман, концепция истории, исторический документ, типизация.

Bazylova B.K.

Artistic concept of history in dilogy-novel

The article discusses artistic concept of history in the dilogy novel of M. Magauin: «Spring Snow» and «The Time of Troubles.» Basing on documentary materials the author introduces the reader to the whole course of historical contradictions, which are based on conflicts of time and environment. The writer has reviewed a lot of special literature on the history of the Time of Troubles; the documents in the artistic work are used creatively.

Writer's closeness to historical fact is conditional, even in cases where at first glance the author carefully follows the historical data. The general course of historical events and its particular manifestations provide a unique spin on the novel. The historian or chronicler merely states the incidents of the long-ago, or the contrary, M. Magauin aspires to recreate them artistically, achieving the precondition of historical genre: the fusion of art and science, which the writer has acquired from a present-day perspective, at one point.

Key words: historical novel, concept of history, historical document, typification.

Базылова Б.К.

Дилогия-романдағы тарихтың көркемдік тұжырымдамасы

Мақалада Мұхтар Мағауиннің «Аласапыран» роман-дилогиясындағы тарихтың көркем тұжырымдамасы қарастырылады. Автор деректі материалдарға сүйеніп, оқырмандарға заман мен орта арасындағы тартыс негіз болған тарихи қайшылықтардың барысын ұсынады. Жазушы аласапыран заман тарихы бойынша көптеген арнайы еңбектермен танысып, көркем шығармада құжаттарды шығармашылық тұрғыдан қолданады.

Жазушының тарихи дерекке жақындығы шартты, тіпті автордың тарихи деректен алшақ кетпеген жағдайда да. Тарихи оқиғалар мен олардың жеке көріністерінің жалпы тізбегі романда тартымды берілген. Тарихшы немесе шежірешілер өткен заманның оқиғаларын тек айқындап берсе, Мұхтар Мағауин оларды шығармашылық тұрғыдан өңдеуге тырысады, сөйтіп жазушының бүгінгі күн тұрғысынан меңгерген тарихи жанрдың міндетті шарты – өнер мен ғылымның бір нүктеде тоғысуына қол жеткізеді.

Түйін сөздер: тарихи роман, тарих концепциясы, тарихи құжат, түрлеу.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ- ДИЛОГИИ

Общественное сознание в разные периоды вырабатывает свою концепцию исторических событий. Основная проблема исторического знания – это проблема отражения и исторической интерпретации. XX век богат радикальными сменами исторических концепций: революции, войны, сталинский тоталитаризм, хрущевская «оттепель», перестройка, построение рыночного общества. Все эти изменения порождали новые взгляды на прошлое. В новом прочтении нуждались многие исторические события и целые эпохи.

М. Магауин в романе-дилогии «Вешние снега» и «Смутное время» представляет читателю весь ход исторических коллизий, в основе которых лежат конфликты времени и среды. Писатель ознакомился с большим количеством специальной литературы по истории Смуты, что требовало от него огромных усилий [1]. По каждому историческому персонажу, судя по собранному материалу, можно было написать по роману. Здесь также изображены и другие события: усиление крепостного гнета, разорительная Ливонская война и повсеместный голод, вызванный неурожаями 1601-1603 годов, сильно обострившие классовые противоречия в России. В то время, когда государство переживало тяжелый кризис, за польским рубежом появился человек, который, выдавая себя за московского царевича, сына Ивана IV, заявил притязания на царскую власть. Это был Дмитрий Самозванец. Появление его предвещало Москве новые бедствия. Королевское правительство Польши, поддержанное частью польской знати и шляхты, задумало использовать Самозванца в качестве удобного орудия для захвата некоторых русских областей. Исторические источники свидетельствуют, что это был человек молодой, лет двадцати пяти, среднего роста, широкоплечий, плотного телосложения, с густыми черными волосами на голове, без бороды; на его широком смуглом лице выделялся большой рот и толстый нос, с заметной бородавкой возле правого глаза. М. Магауин с психологической глубиной воспроизводит реалистический портрет Лжедмитрия: *«Этот круглолицый русоволосый парень лет двадцати, коренастый, с непомерно длинными, как-то несуразно болтающимися едва не у самых колен руками, с большим широким носом на квадратном лице, сплюснутым на пе-*

ренищице, с красной бородавкой под ноздрями, весьма невзрачного вида...» [2, 251].

«Приезд Самозванца был устроен с большой помпезностью. Двигаясь вслед за царем и его свитой, шествие завершали нестройные, пестрые толпы казаков. На пути Лжедмитрия со всех сторон громко раздавались радостные восклицания и приветствия. Когда он приблизился к Москве-реке, переехал через «живой» плавучий мост и вступил на площадь, внезапно поднялся страшный вихрь. Пыль взвилась столбом и слепила глаза. Суеверные люди, видя в этом дурную примету, осеняли себя в испуге крестом и шепотом говорили друг другу:

– Быть беде и несчастью! Спаси нас, господи!» [3, 186]. В романе же знамение проявляется в виде грома: « Среди зимы в том году гремел гром. А на небе, объяв своим пламенем чуть не половину его свода, родилась хвостатая звезда. Люди на земле, и православные христиане, и правочерные мусульмане, с ужасом взирая на это хвостатое чудо, денно и ночью молились богу. Светопредставление на пороге! Но даже накануне судного дня потомки Адама-отца не в состоянии, оказывается, прекратить свои распри» [2, 259].

М. Магауин изучил труды многих историков, исследовавших причины крестьянского восстания и жизнь И. Болотникова [4]. Его биография давно стала предметом пристального внимания. Но в ней до сих пор остается много пробелов и спорных моментов. Не вполне ясным является вопрос о происхождении Болотникова. В романе мы видим, что Ораз-Мухамед со своим войском присоединяется к восставшим именно в Калуге. Но спустя некоторое время он покидает стан повстанцев, чтобы защитить свой народ в Хан-Кермене, беззащитных детей, стариков и женщин.

Сухую и бесцветную передачу историка писатель превращает в одну из самых живописных, красочных сцен в романе. С большим вниманием и интересом изучает Магауин исторические источники по эпохе Смуты, искал и находил в них богатый фактический материал. И одновременно, как чуждо было романисту в его работе слепое фетишизирование документов. Далек был он в своем использовании и в их творческой обработке от излишней сухой академичности. В главе «Табор в Тушино» подробно описан быт повстанцев, их нравственные устои: «И диким казался этот муравейник изнутри: наспех отстроенные, налезавшие друг на друга деревянные срубы; землянки, конюшни из

камышья. Между строениями ни единого просвета – разноцветные обтрепанные шатры, постеленные прямо под открытым небом замусоленные кошмы, подстилки из прутьев и соломы, кучи хлама, служащие то ли подушками, то ли одеялами. И все это было жильем человека...» [2, 313].

В Тушино собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали царька как явного мошенника, но не могли обойтись без него. Творя насилия и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель восстановление на троне законного государя, свергнутого московскими боярами. В романе много и других интересных деталей, основанных на глубоком проникновении автора в жизнь восставших. Вторая часть романа-дилогии дает определенное представление о причинах зарождения смуты, о целях повстанцев, об их руководителе. Ораз-Мухамед также прибывает в Тушино, о его тушинской поездке мы узнаем из писем самого касимовского хана к Яну Сапеге, воеводе Лжедмитрия II. Хан, следуя к царю из Суздаля, куда он прибыл 14 декабря 1608 года, просил Сапегу, стоявшего тогда под Троице-Сергиевой Лаврой, прислать ему конвой [5, 143].

Роман верно отражает политическую обстановку смутного периода, военное положение страны, когда шла кровавая борьба между интервентами и дворянами за правление Россией. Беззащитный народ попадает в эту передрагу, когда сильные мира сего поставили на карту все – и честь, и жизнь тысячи людей. Магауин считает, что одной из основных предпосылок, способствующих возникновению Смуты начала XVII века, стало ухудшение положения народа. Солидарен с ним и крупный русский мыслитель И.А. Ильин, позже подтвердивший то, что эта «Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей после террора Иоанна Грозного» конвой [6, 216].

Но современная историческая наука рассматривает эпоху Смуты данного периода не только как закономерное следствие тяжелейшего положения народа: «... Смута означает утерю народом, обществом, государством согласного понимания высшего смысла своего существования...» [7, 4]. Это в некоторой степени перекликается с оценками самих свидетелей «смуты». Так, русский историк и мыслитель XVII века И. Тимофеев, анализируя причины поразившей Россию в начале XVII века и едва не погубив-

шей ее Смуты, одной из основных называет бесславное молчание народа: промолчав перед Борисом породили Гришку Расстригу. Произведение М. Магауина не претендует на такую глубину анализа причин, породивших смуту.

Роман-диалогия «Вешние снега» и «Смутное время» не принадлежит к числу тех исторических произведений, которые пишутся их авторами на основе только чтения источников, знакомства с теми или иными научными монографиями. В исторический роман входил какой-то неомертвевший жизненный материал, непосредственное ощущение старины казахского и русского народов, которое поддерживалось в писателе знанием народного быта, духа. Отрывки, взятые из романа и документов, сочинений историков, дали нам возможность проследить, как в свете идей писателя и его художественного замысла совершалось превращение исторических документов в историческую прозу. Близость писателя к историческому факту условна, даже в тех случаях, когда на первый взгляд автор скрупулезно следует за историческими данными. Общий ход исторических событий и его частные проявления приобретают под пером художника новое, действенное звучание. Историк или летописец лишь констатирует события далекого времени, М. Магауин же стремится художественно воссоздать их, добываясь непременно условия исторического жанра – слияния как бы в одной точке искусства и науки, освоенного писателем с позиций современности.

В повествовании находят отражение письма Ораз-Мухамеда Яну-Петру Сапеге. В романе всего пять писем, которые мы сравнили с источниками и сделали следующий вывод: в основе писатель опирался на исторические источники, но послания касимовского хана воеводе в романе составлены по принципу монтажа с некоторым авторским вымыслом. Здесь изменены имена. Так, в источнике (письмо от 13 февраля 1609 года) Ораз-Мухамед пишет: «... Да пожаловать, братецъ, государь царь и великий князь Дмитрий Ивановичъ, всея Руси, сестру мою Бахты царевну Сеиткулову дочь Шепелева станномъ ее поместейцам, въ Ерославскомъ уезде, селцомъ Ивановскимъ Глебова съ деревнями, да въ Ростовскомъ уезде селцомъ Деляевымъ съ деревнями жъ, и нынеча, братецъ пришла грамотка ко мне отъ сестры, что присланъ въ поместейца изъ Ерославля панъ Иванъ Незабытовской, пана Петра да Яна, праветь на ее крестьянишкахъ данья и сошныя денги и кормъ, мяса говяжья и бараны, и гуси, и яща, и муку

рженую и пшеничную, и крупы, и горохъ, и солодь, и пресной медъ, денгоми по два рубли, и конской кормъ, сена и овес, и рыбу, и соль всякия кормы, и загонные ратныя люди въ ее поместейца приезжаютъ и абиду чинять великую, домишка крестьянские разоряютъ и живаты ихъ емлютъ грабежамъ, а просеть отъ тебя, братецъ, пожаловати, описати въ Ерославль пану Незабытовскому и пожаловати бы тебе послати бережелнаю грамоту за своею жъ печатью, приказнымъ людемъ, кто въ Ростове приказныя люди отъ тебя, на село Деляева съ деревнями, штобъ сестры моей поместейца берегали вместе съ приказными людемъ, съ племянникомъ моимъ съ Козякъ мурзою Сеитъ-Могметовымъ сына Юсуповымъ, штобъ ани берегли за одинъ то поместейца, и данныхъ и вытныхъ денегъ и всякаго корму править не велел, и на емъ(ямъ)мица и въ губуцеловалниковъ не давать, и подмоги на нихъ не имать, и загоннымъ людемъ шарповникамъ въ въездятъ и ратнымъ людемъ паномъ и казакомъ, стрелцомъ, которыя пойдутъ на государеву службу, ставитися у крестьянишкахъ и обиды крестьянишкамъ чинити не велите жъ» [8, 67].

Сравним же теперь с текстом письма в романе: «Нахрабрейшему гетману, братцу моему, пану Яну Петру Павловичю Сапеге, кошеляновичю Киевскому, старосте Усвяцкому и Кирепецкому, хан Ураз-Магмет Касимовский челом бьет.

Буди, братец, здрав на многие лета на Государеве Царьской службе, штобъ мне здравье твое слышечи радоватися, аже даст Бог в радости очи твои видети; а про меня, братец, пожалуйеш спросиши, и я Божию милостию здоров февраля по 13 число а впереди Бог.

Да пожаловал меня, братец, покойный Государь Царь и Великий князь Федор Иванович всеа Руси станном поместейцем в Ерославском уезде селцом Ивановским Глебова с деревнями, да в Ростовском уезде селцом Деляевым с деревнями ж; и ныне, братец, пришла грамотка ко мне от людишек моих, что прислан в поместейца из Ерославля пан Ян Незабытовский, и правет на моих крестьянишках данные и сошныя денги и корм, мяса говяжья, и бораны, и гуси, и муку ржаную и пшеничную, и рыбу, и соль, пресной мед, и конский корм, сена и овес и всякие кормы; и загонныя ратныя люди в мое поместейца приезжают и абиду чинят великую, домишка крестьянския разоряют и живаты их емлют грабежам. А яз прошу тебя, братец, пожаловати, отписати в Ерославль

пану Незабытовскому бережелнаю грамоту за своею печатью, а в Растов бережелна грамоту, за своею печатью приказным людем, кто в Растове приказныя люди от тебя, на село Деяева с деревнями, шибоб ани берегли то помещейца, и данных и вытных денег и всякого корму править не велел и загонным людем, шарповникам не въезждать и ратным людем, паном и казаком, стрельцом, которыя пойдут на Государеву службу ставитися, у крестьянишек и абыды крестьянишкам чинить не велите ж.

По се места, ты, братец, пожаловал меня, берег, а нынеча б тебе, братец, такоже пожаловати, любви своей и добродетели не убавити, а прибавити.

А впредь, братец, вижу в радости очи твои. А яз тебе челом бью» [2, 333].

Писатель приводит в тексте романа подлинный документ, «вмонтировав» его в художественную ткань произведения. Магауин сознательно делает замену имени сестры Бахты образом главного героя, так как это соответствовало бы авторской концепции. Мы знаем, что такого персонажа – сестры Ораз-Мухамеда – в романе нет и, упомянув ее имя, художнику пришлось бы ввести в действие этот образ. Для автора жизнь и деятельность казахского султана, его позиция имеют первостепенное значение. Романист далек от слепого следования документальным материалам. Их использование у писателя представляют творческий процесс. Какой бы исторический факт ни заимствовал М. Магауин для сюжета романа, он умеет оживить его и наполнить глубоким идейным смыслом. Сравнивая тексты первоисточника и романа, можно заметить единство в толковании писателем и автором письма причины, которые побудили Ораз-Мухамеда обратиться к воеводе Яну Сапеге. Автор романа при использовании документального материала отбирал самое существенное и важное. Пересматривая письма касимовского хана, мы видим, что писатель в романе руководствуется принципами реалистического письма и в общем характере передачи колорита далекой эпохи, и в осторожном отборе архаической лексики. Здесь писатель исторический материал не дает в сыром, необработанном виде, а позволяет себе в отношении их компоновку,

художественную ретушь. В главе «Игры» есть такой эпизод, когда Петр Урусов в очередной раз испытывая Лжедмитрия II, предлагает ему сразиться как прежде с медведем. Это действительно факт, что Самозванец «ездил с паномъ Воеводою на охоту. В числе разных зверей, выпустили медведя. Когда никто из панов не отважился вступить с ним в бой, вышел сам царь, и одним ударом рогатины убив медведя, отсек ему голову» [9, 28]. В романе писатель значительно раздвигает рамки этого короткого сообщения, приводимого современниками Дмитрия Самозванца, вводит выразительную портретную и психологическую характеристику царя, насыщает эпизод подлинным драматизмом.

Из романа мы узнаем, что Ораз-Мухамед встречается с королем Сигизмундом и заключает договор с Жолкевским. Документов, свидетельствующих о сущности этих встреч, не сохранилось. Ярко воспроизведенная на страницах романа обстановка этих переговоров говорит об авторском вымысле в передаче психологии персонажей. Как видим, автор использует некоторые элементы творческого домысла в биографиях известных исторических лиц. Писатель делал это, разумеется, не беспорядочно, не произвольно, а руководствуясь целями определенной художественной выразительности; он достигал таким путем большей широты и сгущенности своей исторической типизации.

Сухие исторические факты, преобразованные и дополненные художественным вымыслом и домыслом романиста, создают образность изображения тех или иных сторон исторической действительности, их внутренний смысл, важнейшие черты характера персонажей, побудительные причины их деяний, важные детали быта.

Использование документов характеризуется как один из принципов типизации в историческом романе и в то же время как проявление мастерства писателя. Магауин документ «растворяет» в художественной ткани произведения. Авторский субъективизм в творческом воспроизведении исторических событий и воссоздании общественной среды эпохи в романе не противоречит жизненной логике.

Литература

- 1 Костомаров Н. Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. – СПб., 1898. – Т. 4. Смутное время московского государства в начале XVII столетия (1604-1613). – 397 с.
- 2 Магауин М. Аласапыран: Роман / пер. с каз. – Алматы: Жалын, 1989. – Кн.2.: Смутное время. – 448 с.
- 3 Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. Смута. – М.: Мысль, 1988. – 283 с.
- 4 Смирнов И.И. Краткий очерк истории восстания Болотникова. – М.: Госполитиздат, 1953. – 125 с.
- 5 Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией (1598-1613). – СПб., 1841. – Т. 2. – 178 с.
- 6 Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Новый мир. – 1991. – № 10. – С. 45-49.
- 7 Наш современник. – 1994. – №9. – С. 34-37.
- 8 Сборник князя Хилкова. Сборник документальных материалов по истории России 1493-1743 гг. – СПб., 1879.
- 9 Сказания современников о Дмитрии Самозванце. – СПб., 1834. – Часть IV. Дневник Марины Мнишек и Послов Польских.

References

- 1 Kostomarov N. Istoricheskie monografii i issledovaniya N. Kostomarova. – SPb., 1898. – T. 4. Smutnoe vremya moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya (1604-1613). – 397 s.
- 2 Magauin M. Alasapyran: Roman / per. s kaz. – Almaty: ZHalyn, 1989. – Kn.2.: Smutnoe vremya. – 448 s.
- 3 Skrynnikov R.G. Rossiya v nachale XVII veka. Smuta. – M.: Mysl', 1988. – 283 s.
- 4 Smirnov I.I. Kratkij ocherk istorii vosstaniya Bolotnikova. – M.: Gospolitizdat, 1953. – 125 s.
- 5 Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arheograficheskoy komissiej (1598-1613). – SPb., 1841. – T. 2. – 178 s.
- 6 Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu // Novyj mir. – 1991. – № 10. – S. 45-49.
- 7 Nash sovremennik. – 1994. – №9. – S. 34-37.
- 8 Sbornik knyazyia Hilkova. Sbornik dokumental'nyh materialov po istorii Rossii 1493-1743 gg. – SPb., 1879.
- 9 Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvance. – SPb., 1834. – CHast' IV. Dnevnik Mariny Mnishek i Poslov Pol'skih.